

*Королева  
исторического  
романа*



**Книги Анастасии Тумановой**  
**в серии «Королева исторического романа»**

Полынь – сухие слёзы

---

**Романы о сёстрах Грешневых:**

Родовое проклятье  
Дочери смуглой черкешенки  
Дама полусвета

---

**Цыганская сага:**

Роковая красавица  
Страсти таборных цыган  
Люби меня, смуглянка!  
Супруг неверный мой  
Жена невенчанная  
Княжна-цыганка  
Цыганочка, ваш выход!

*Анастасия  
Туманова*



Цыганочка,  
ваш выход!



ЭКСМО  
МОСКВА  
2014

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4  
Т 83

Художественное оформление серии *Сергея Власова*

**Туманова А.**  
Т 83 Цыганочка, ваш выход! : роман / Анастасия Туманова. — М. : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Королева исторического романа).

ISBN 978-5-699-68133-4

Гражданская война подходит к концу... По степям южной России едет в поезде цыган Беркуло, только что укравший себе жену. Но недолго длится его счастье — утром ни девушки, ни красноармейца, тоже оказавшегося цыганских кровей, в поезде нет... Что за темный омут — сердце цыганки? Вчера клялась в любви до гроба — а сегодня сбежала с другим...

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68133-4

© Туманова А., 2014  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2014



*Автор выражает  
глубокую признательность  
Владимиру ЧЕБОТАРЁВУ  
(кишинёвцу из вицы миллионешти)  
за этнографические консультации*

— Маша! Машенька, милая, золотая моя, открой глаза! Машенька, посмотри на меня! Девочка моя, посмотри... Дэвла<sup>1</sup>, Танька, когда это началось-то?! Ей же утром совсем хорошо было! — Молодая цыганка в строгом чёрном «служащем» костюме стояла на коленях возле кровати и лихорадочно ощупывала лежащую в развороченной постели девочку лет четырёх. Малышка не шевелилась, хрипло, тяжело дышала, на её смуглом лбу блестели капельки пота. Мать со страхом смотрела на неё, машинально отводя от лица недлинные, вьющиеся волосы. В её чёрных, широко раскрытых глазах стояло отчаяние. Сгрудившиеся вокруг цыгане подавленно молчали. Маленькая комната была едва освещена лишь оплывшим свечным огарком: керосин зимой 1921 года в Москве был ещё дорог. За окном мело.

— Дэвлалэ... Дэвлалэ, неужели тиф?! Ох, да что же делать?! Ночь на дворе! Танька, дура, почему за мной не послали?! Я бы тогда, я бы... О-о-о, дуры проклятые!!!

— Да ты же работала!

— Ну и что?! Плевать на этот «Нарстрой», я бы прямо с заседания убежала! Машенька, бедная моя, да что же это... — Цыганка расплакалась навзрыд, схватив худую, горячую руку дочери. — Дэвла, надо же в больницу... Если тиф, то надо побыстрее... Я же это видела, я знаю...

---

<sup>1</sup> Боже мой (цыганск.).

— Нинка, да были мы уже в больнице. Рядом тут. На Садовой, — мрачно сказал молодой цыган с некрасивым лицом и длинным, острым, как у птицы, носом. — Нам там поначалу и не открывал никто. Уж стучали-стучали, кричали-кричали — никого! Потом уж сторож высунулся и говорит: никого врачей нет, утром приходите!

— А вы, собачьи дети, сказали, что дитё помирает?! — хрипло вскричала Нина.

— Говорили, да что толку... «Приходите утром» — и всё!

— О-о, чтоб вам подохну-уть... — схватилась за голову Нина. Цыгане столпились вокруг неё, растерянно переглядываясь. В тишине явственно слышалось хриплое дыхание девочки. Её старшая сестрёнка стояла, прижавшись к двери, и со страхом смотрела на мать.

Нина вдруг резко выпрямилась.

— Танька, а ну неси одеяло тёплое, валенки для Маши! — решительно сказала она. — Возьми мой платок пуховой, укутай как следует! Скворечико, беги на Садовую, найди извозчика!

— Да где ж я его среди ночи найду?!

— Где хочешь!!! Чтоб был мне через минуту! Ступай, или придушу!

— Смотри ты, как чужим мужем раскомандовалась... — проворчала, поднимаясь с табуретки, чёрная и глазастая Танька. Но Нина посмотрела на неё так, что она осеклась и, бурча под нос что-то сердитое, ушла за одеялом. Мишка Скворечико торопливо вышел вон.

Через четверть часа Нина вышла из дома. Завёрнутая в лоскутное одеяло Машенька была в беспамятстве. Нина, придерживая голову дочери, торопливо взобралась в экипаж-коробку, вместе с ней вскочил и Мишка.

— Только ради бога, дядя Сидор, отвези поскорей!

— Не бойсь, Нинка... — прогудел немолодой извозчик, разбирая верёвочные вожжи. Он был занесён сне-

гом с ног до головы. — Старушка вихрем домчит! Тебе куда — в больницу?!

— Да пропади она!.. Вези на Лубянку!

— Охти... — Дядя Сидор даже перекрестился и, наполовину развернувшись с козел, недоверчиво посмотрел в бледное, полное решимости лицо молодой цыганки. — Там что, возле Чеки новая больничка завелась?

— Не твоё дело, поезжай! — оскалилась ему в лицо Нина. — И ежели Маша у меня на руках... я тебе горло перерву!!!

Больше извозчик не решался задавать вопросы и до самой Лубянки ожесточённо нахлёстывал свою савраску. Нина молчала, крепко прижимая к себе дочь и глядя неподвижными глазами на пустые, тёмные улицы. Ничего не говорил и Мишка.

Дом на Лубянке, с недавних пор хорошо известный москвичам, горел всеми окнами.

— Ишь ты, и по ночам им не спится... — пробурчал дядя Сидор, останавливая савраску в переулке. — Нинка, как хочешь, а прямо к дверям не поеду я! Могу туточки тебя обождать!

— Как хочешь. — Нина бережно передала дочь Мишке. — Скворечико, осторожно держи! Я сейчас...

— Нинка, зря ты это, — помедлив, сказал Мишка. — Его и вовсе тут не быть может. Вы с ним когда последний раз виделись? Полгода прошло, коли не больше!

— Может быть... — прошептала Нина, тщательно вытирая слёзы. — Но... но куда же тогда ещё, боже мой?! Молись, Мишка, чтоб он здесь оказался, молись! К кому мне ещё кидаться, скажи?! От вас всех толку — что?!

Мишка не успел ничего ответить — а она уже скрылась в темноте, лишь цепочка следов темнела на снегу. Скворечико тихо выругался, избегая вопроситель-

ного взгляда извозчика, склонился к Машеньке, потрогал её лоб, вздохнул.

— Откройте! Откройте! Откройте!!! — Нине казалось, что она уже целый час долбит в промёрзшую дверь, а ей всё никто не отпирал. «Но ведь свет горит! Значит, кто-то есть! Чем они там, черти их раздери, занимаются?!» Нина из последних сил яростно ударила кулаком — и дверь внезапно распахнулась, явив заspanного молодого парня в сдвинутой на затылок фуражке и распахнутом кожаном пальто.

— Чего дербаните, гражданка? Кого надобно?

— Мне нужен товарищ Наганов, Максим Егорович, следователь Чрезвычайной Комиссии! — отчеканила Нина, надеясь, что голос её звучит спокойно и ровно. Но её растрёпанный вид и заплаканное лицо явно не внушили солдату доверия.

— А на что он вам? Как доложить? Пошто в такой час-то?

— Доложите — Баулова Антонина Яковлевна! Цыганка Нина с Живодёрки! Он знает! Пожалуйста, поскорей!!!

— Вон как? Ну, обождите... — Парень снова смерил её недоверчивым взглядом, но внутрь впустил и, показав на щелястую лавку возле бюро пропусков, куда-то ушёл. Нина принялась шагами мерить тесную, холодную приёмную, отчаянно жалея, что забыла дома папиросы. Потом застыла у окна, стараясь сквозь ледяную корку рассмотреть пустую улицу. Почему-то казалось, что ждать придётся очень долго, и Нина вздрогнула от неожиданности, услышав за спиной знакомый голос.

— Доброй ночи, Нина. Что у вас случилось?

Она стремительно развернулась.

Наганов совсем не изменился за те полгода, что они не виделись. На нём, казалось, был даже тот же самый вылинявший френч, и серые холодные глаза так же при-



стально и внимательно, без всякого удивления смотрели на Нину.

— Хорошо, что я оказался на месте. Уже собирался уходить... Что случилось? Нина, вы плачете, в чём дело?!

— Максим Егорович, мне нужна... — Нина запнулась. Слёзы потекли из глаз, и она едва смогла выговорить: — Максим Егорович, Машенька умирает... Тиф... Это снова тиф...

Минуту спустя по пустым, заснеженным московским улицам летела чёрная машина. За рулём был молодой чекист, который во время дороги то и дело поглядывал через плечо на неподвижно сидящую на заднем сиденье Нину с ребёнком на руках. Рядом с ней сидел Наганов и советовал шофёру:

— Фёдор, в Староконюшенный лучше через Воздвиженку и Арбат. На Остоженке завал, дом старый рухнул... Не волнуйтесь, Нина, мы успеем, всё будет хорошо.

Нина не отвечала, крепко стиснув зубы. Её трясло. Она не могла даже следить, куда они едут, и не узнала тёмной улицы, на которой, подняв снежную пыль, остановилась машина. В глубине двора виднелся огромный каменный дом. Наганов взял ребёнка из рук Нины, пошёл к подъезду. Выпрыгнув из машины, Нина побежала за ним.

На широкой площадке второго этажа, возле высокой двери с медной табличкой «Профессор П.О.Мережин» их встретил высокий седой человек в старомодном шлафроке, с трудом пристраивающий на носу пенсне. Нина поклонилась ему; седой человек ответил тем же, взглянув вопросительно. Женщина растерянно повернулась к Наганову.

— Здравствуйте, профессор. Простите, что в такой час обеспокоили, — вежливо, но твёрдо сказал Наганов. — Право, если бы не крайняя необходимость...

Умирает ребёнок, а в больнице не принимают. Вот его мать говорит, что это тиф.

— Проходите, — коротко сказал профессор. — Извините, товарищ Наганов, но в смотровую в обуви нельзя.

— Разумеется. Нина, я подожду вас здесь.

Она кивнула, кое-как сбрасывая промёрзшие валенки, взяла у Наганова Машу и, едва держась на ногах от внезапно подступившей слабости, пошла вслед за профессором по длинному тёмному коридору большой квартиры.

— С чего вы взяли, что это — тиф? — четверть часа спустя недовольно спросил профессор Мережин, моя руки под струёй тёплой воды. Вода лилась из кувшина, который держала Нина. На металлическом столе горела керосиновая лампа, в её свете видно было спокойное лицо спящей Машеньки.

— Но как же, профессор... Эта сыпь... И сильный жар... — Нина изо всех сил старалась говорить спокойно, но голос срывался, руки постыдно тряслись, и струя воды то и дело лилась мимо белого эмалированного таза. — Утром она жаловалась, что ноют ноги и спина... Она уже болела этим, и всё начиналось так же.

— А если болела, то вы должны были знать, что вторично сыпной тиф случается крайне редко.

— Но что же это тогда, Павел Осипович?!

— Скарлатина, надо полагать. Тоже ничего хорошего, правда... Посмотрите вот сюда. — Мережин подошёл к кушетке, на которой лежала Машенька, принялся осторожно разгибать ручки девочки. — Видите?.. Вот здесь, в складках, сыпь гораздо заметнее. Под коленями так же... И она совсем другого рисунка, нежели при тифе...

— О-о, слава богу... Но... что же мне теперь делать?

— Лучше всего оставить её пока у меня. Я могу, разумеется, распорядиться, чтобы её положили в больницу, но...

— О нет, нет, пожалуйста! — всполошилась Нина. — В больницах только умирать! Или, чтобы вас не беспокоить, я лучше заберу её домой!

— Ни в коем случае! — ворчливо сказал профессор. — Ей и так не на пользу эти ночные разъезды по морозу! Я сделал укол, до завтра проспите спокойно, а наутро начнём серьёзное лечение.

— Она не умрёт, профессор?.. — жалобно спросила Нина.

— Не думаю. По крайней мере сделаю всё возможное... из уважения к товарищу Наганову.

— Позвольте расплатиться с вами... — робко сказала Нина, сунув руку в ридикюль. — Это настоящие бриллианты, кольцо моей матери...

— Вздор, перестаньте! — сердито перебил её Мережин, и Нина испуганно умолкла, сжав в ладони тяжёлый бриллиантовый перстень. Профессор вытер руки полотенцем, внимательно взглянул на неё.

— А вы ведь... кажется, Нина Молдаванская? Певица? Не вас ли я слушал в Петербурге до войны? «Глядя на луч пурпурного заката»? «Пара чёрных цыганских глаз»?

— Меня, — вымученно улыбнувшись, подтвердила Нина. — Но моя мама лучше всё это пела.

— Не сказал бы, — возразил Мережин, с интересом поглядывая на Нину. — Хотя и Дарью Ильиничну помню хорошо, ещё по осетровскому ресторану. Где она сейчас?

— Умерла. Уже скоро год. И отец тоже.

— Мои соболезнования, — помолчав, коротко сказал Мережин. Подошёл к кушетке, снова взглянул на девочку. — Что ж, Антонина Яковлевна... Можете ехать домой. Не беспокойтесь за дочку, моя Полина за

ней присмотрит хорошо. А утром милости просим, приходите, побудьте с ней. Я, правда, уеду в университет, но Митрия внизу предупрежу, вас пропустят. И, уверяю вас, ничего страшного не произойдёт. Видите, температура уже упала, девочка спокойно спит.

— Спасибо... благодарю вас, Павел Осипович! — Нине отчаянно хотелось остаться здесь, рядом с Машенькой, чтобы дочка не испугалась, проснувшись в чужой квартире. Но попросить об этом ей казалось уже запредельной наглостью. В последний раз пощупав потный, уже едва тёплый лобик дочери, Нина покорно пошла к выходу.

Наганов ждал её на тёмной лестнице, ещё из прихожей Нина увидела огонёк его папиросы. Заметив её, он потушил окурок о стену и быстро подошёл.

— Ну, что же там?

— Это скарлатина... Скарлатина, а не тиф.

— Но ведь это лучше?.. — не очень уверенно предположил Наганов.

— Конечно! Намного! Профессор обещает, что всё будет хорошо, завтра я приеду к ней сюда...

— Что ж, я рад. Пойдёмте. Отвезу вас на Живодёрку.

— Максим Егорович, я вам так благодарна... Извините, что я вот так ворвалась к вам на службу, я не знаю как... — сбивчиво начала было Нина и умолкла, наткнувшись на сдержанную улыбку Наганова.

— Бросьте, Нина. Рад был помочь. — Он подержал мокрую от растаявшего снега шубу, помогая Нине попасть в рукава. — Идёмте, скоро уже утро.

К дому на Живодёрке машина подъехала, когда небо над Грузинами уже зеленело и на нём чётко обозначились очертания покосившихся домишек. Нина всю дорогу готовилась хотя бы при прощании поблагодарить Наганова по-человечески, но он лишь пожал ей руку, вскочил в машину, и та поползла прочь.

Когда-то имя Нины Молдаванской, знаменитой цыганской певицы, гремело по всему Петербургу, и фотография её хранилась в кармане чуть не каждого офицера на фронтах германской войны. Но всё это сгинуло без следа, «чистая» публика исчезла и из Петербурга, и из Москвы (в которой осталось всего пара ресторанов, где подавали самогон и варёные свиные мослы). Хоровые цыгане перебивались случайными концертами в казармах, толкотнёй на Конном рынке. Женщины даже вспомнили гадание. Кто мог — пошёл работать на новую власть. Нина, оставшись после революции вдовой с двумя дочерьми, рассчитывала в Москве пристроиться на службу. Но, приехав в родной город, она сразу же попала под следствие, которое вёл Максим Наганов. В доме на Живодёрке был убит её отец. Мать и младшая сестра пропали бесследно. Нина знать ничего не знала об этом, в чём и попыталась уверить следователя. Наганов отпустил её, предупредив, впрочем, что пока ей нельзя уезжать из Москвы. И после целое лето приезжал с визитами в цыганский дом на Живодёрку.

Цыгане радовались, справедливо полагая, что такое знакомство в нынешние времена весьма полезно, и осторожно спрашивали Нину — не нравится ли ей товарищ чекист? Нина огрызалась, молчала. Этот сероглазый, молчаливый человек пугал её до дрожи, и она честно признавалась Мишке Скворечико, что уже готова бежать прочь из Москвы к таборным родственникам, лишь бы избавиться от этих посещений.

«А ты, пхэнори<sup>1</sup>, выходи за меня замуж», — поделовому предложил ей тогда Мишка. — К мужней цыганке товарищ чекист, глядишь, и не полезет! Давай вот завтра прямо с утра до ЗАГСа на Садовой добежим и распишемся по новым правилам!»

<sup>1</sup> Сестрёнка (цыганск.).

Как она тогда обрадовалась, дура набитая... Ведь Наганов действительно не мог знать, что для цыган регистрация в ЗАГСе не значила ровным счётом ничего. Нина могла расписаться таким образом хоть с собственным братом, оказавшись замужней лишь «по бумагам» и только для гаджен<sup>1</sup>. Этот фиктивный брак, скорее всего, и был бы заключён на следующее утро, если бы ночью за Ниной не пришла машина и два конвоира не отвезли её, перепуганную насмерть, на квартиру к следователю.

Вспомнив сейчас ту жуткую ночь, когда она ехала по тёмной, пустой Москве, сидя между двумя красноармейцами, Нина невольно передёрнула плечами. Она чуть не умерла тогда от страха, хотя и не знала за собой никакой вины. Наганов ждал её. И объяснился ей в любви коротко и немногословно.

Нина тогда, кое-как собравшись с силами, отказалась от нагановского предложения руки и сердца и без особой надежды попросила оставить её в покое. Наганов обещал ей это и сдержал своё обещание: визиты чекиста на Живодёрку прекратились. Таким образом, фиктивный брак был уже не нужен, Нина вздохнула с облегчением и была очень удивлена, когда Мишка Скворечико напомнил ей о задуманной аванюре.

Это случилось в тёплый и ясный сентябрьский вечер. За окном цыганского дома старая ветла роняла в палисадник пожелтевшие листья, негромко, словно задумавшись, шелестела; знаменитая лужа под ней величиной с небольшой пруд вся была облеплена палой листвой. В гостиной Большого дома собралось много молодёжи, все шумели, дурачились, распевали под гитару и безнадежно расстроенный рояль. Кто-то притащил сипатый граммофон и старые, чудом уцелевшие

<sup>1</sup> Для нецыган (*цыганск.*).

пластинки. Нина, перебрав их, вытащила Вертинского, и вскоре по комнате поплыл знакомый надтреснутый, картавый голос:

Мадам, уже падают листья,  
И осень в смертельном бреду,  
Уже виноградные кисти  
Желтеют в забытом саду,  
Я жду вас, как сна голубого,  
Я гибну в любовном огне!  
Когда же вы скажете слово,  
Когда вы придёте ко мне?

Мишка Скворечико с улыбкой пригласил её танцевать, и они под весёлые вопли цыган пошли по паркету в ритме танго.

— Вот сейчас я тебя опрокину назад и поцелую! — угрожающе пообещал Мишка.

— А я тебе нос откушу! — парировала Нина. — Как раз поубавлю малость, а то ж с избытком... И между прочим, в танго есть такой примерчик — «отказ от поцелуя»! Специально для нахалов вроде тебя придумано. Ну-ка, разверни меня!

Нина с блеском продемонстрировала «отказ от поцелуя», скользнув под Мишкиной рукой, сделала несколько изящных «восьмёрочек» и пропустила Мишкин вопрос.

— Что ты говоришь?

— Я спрашиваю: мадам, когда вы придёте ко мне? — передразнил Вертинского Мишка. И, уже не улыбаясь, глядя прямо ей в лицо посерьёзневшими глазами, чуть слышно спросил: — Когда ты замуж за меня выйдешь, Нинка? Обещала ведь. Долго мне ещё дожидаться?

Шутка показалась Нине настолько глупой, что она даже не нашлась что ответить, лишь недоумённо улыбнувшись в ответ.